

ПОВЕЛИТЕЛЬ РИТМА

Первое появление компакт-дисков в парижских магазинах несколько лет назад вызвало определенное неудовольствие в среде меломанов. Что, спрашивается, теперь приходится делать с коллекциями пластинок! Да и менять технику в доме не каждому хотелось.

Автор публикуемых ниже строк в свое время послал знакомому короткое письмо в связи с выходом собрания записей Евгения Мравинского: «Увы! Друг мой любезный, сколько бы мы ни ворчали супротив новейшей техники, а нам с тобой придется в конце концов перейти на эти проклятые компакт-диски — хотя бы для того, чтобы достойно чтить память Евгения Александровича»...

Однако любители музыки очень быстро оценили преимущества новой аудиотехники. Ведь пластинки при многократном использовании «стираются», а компакт-диски — вечны. К тому же парижская молодежь «через новую технику» стала активно приобщаться к музыке классической.

В итоге у критиков появился новый жанр — «рецензия на компакт-диск» [у нас, к сожалению, даже новые пластинки не всегда являются предметом обсуждения специалистов].

Одна из таких рецензий появилась недавно в парижской газете «Русская мысль». Для «Смены» автор любезно предоставил дополненный вариант этого материала.

«ОДИНОЧЕСТВО в молчании надолго — удушье. Одиночество в молчании навсегда — могила». К счастью, эти слова Евгения Александровича Мравинского, приведенные на одном из двенадцати компакт-дисков, выпущенных фирмой «Эрато», не оправдались. За долгую жизнь (1903—1988) он зачастую бывал одинок, как и подобает великому артисту, и все-таки его почти пятидесятилетний диалог с оркестром (и слушателем) не прерывался надолго. И только кончина

сделала это молчание вневременным, но не безгласным. «Наследие исполина» — так несколько претенциозно названо собрание произведений различных композиторов, исполненных дирижером и оркестром Ленинградской филармонии и записанных фирмой «Эрато» в 80-е гг. (некоторые записи сделаны «Мелодией»). Тем оркестром, который Мравинский возглавил в 1938 году и со временем превратил в один из лучших исполнительских коллективов со-

временности. Я сознательно воспользовался термином «исполнительский», поскольку коллектив этот всегда жил во взаимодействии с творческой волей дирижера. И не только потому, что безоговорочно подчинялся его указаниям, но и потому, что выполнял это творчески осознанно.

Утвердившееся понятие «оркестр Мравинского» означает не только взаимосвязь, но и взаимозависимость исполнителей. «Плохая игла портит пластинку, — утверждал дирижер, — как, впрочем, плохая пластинка тупит иглу». Достаточно прослушать репетицию вступления к вagnerовскому «Тристану», чтобы понять суть замечания дирижера: «стройно и вместе». За ним стоит требование участия всех в воссоздании творения композитора. Воссоздании, а не копировании. От этого-то и звук оркестра не формальный («стройно, вместе, ловко» и т. п.), а осмысленный и убедительный в своей правоте изучать так и только так, то есть быть самодостаточным. Как самодостаточно творчество Булгакова, Филонова или Ахматовой, например. Евгений Мравинский обладал поразительным чувством стиля. Если учесть, что в репертуаре его были представлены самые различные художественные на-

правления музыки XVIII—XX вв., порой исключаящие друг друга (Бетховен — Барток, Берлиоз — Чайковский, Брамс — Дебюсси, Стравинский — Шостакович, Брукнер — Прокофьев и многие другие), то это качество приобретает уникальность. Оно тем более удивительно, что творческая жизнь мастера протекала в условиях практически полной информационной изоляции, когда отсутствовало не только необходимое каждому музыканту «слуховое» общение с коллегами, но даже ноты современников-композиторов попадали к нему из-за рубежа не без сложностей.

Каким даром ощущения времени необходимо обладать, чтобы с поразительной верностью и открытостью исполнить Бартока или Хиндемита, Сибелиуса или Равеля? Этот дар — чувство не только исполнительской, но и интеллектуальной традиции, ее продолжения, развития. Мравинский создал традицию исполнения композиторов, современных ему, а посему и «болеющих» общими с ним проблемами жизни артиста в одномерно-мыслящем тоталитарном обществе, — Прокофьева, Шостаковича, Уствольской, Слонимского, Тищенко. Трагическая пульсация времени звучит в единственно ему — среди больших музыкантов-дирижеров современности — присутствующем чувстве ритма («...повелитель-император ритма» — говорил Кароян). Ритма, организующего музыкальное про-

странство, населяющего его осмысленностью бытия посреди идеологической нечистоплотности, предательства и всеобщего унижения.

Подобно Фуртвенглеру, спавшему честь немецкой культуры, Мравинский защитил отечественную культуру от бедности полуграмотных «руководителей» культуры. Его творчество — больше, чем «совесть эпохи». Оно — совесть цивилизации, голос гуманизма, звучащий в симфониях Бетховена, Чайковского или Шостаковича, увертюрах Вагнера, Глинки или Мусоргского. Голос настойчивый, правдивый и — свой: через точность звука, соразмерность его силы и наполненности, чистоту тембров, свободное дыхание и атмосферу строгости мысли и чувств.

Не могу, к сожалению, не отметить ошибок в сопровождающих записи текстах. Дирижера Эмиля Гаука не было; 4-й симфонией Шостаковича Е. Мравинский никогда не дирижировал и т. д.

Достоинством выпущенного собрания следует признать правдивое, не «стерильное» звучание записей, что не часто бывает с раз и навсегда механически зафиксированным звуком. Это подлинный голос чести и мужества великого мастера.

Александр ВЛАСТОВ

Париж

Фото Ивана КАСПРУКА

